

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 94 ББК 63.3 DOI 10.25986/IRI.2020.80.2.0010

М. В. Бибиков

ИВИ РАН, Москва, Россия. mbibikov@mail.ru

ГРЕЧЕСКОЕ ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО В АФОНСКОМ РУКОПИСНОМ СБОРНИКЕ

Недавно выявленный рукописный сборник Cod. Athous Panteleemon. gr. 283 включает в себя собранные, переведенные на греческий и переписанные афонским автором Иаковом Неаскитиотом тексты русских агиографических и литургических памятников, а также материалы по истории Руси, Сербии, Болгарии, Афона. Сборник содержит такие тексты, как Служба Антонию Печерскому, его Житие, Служба и Житие Феодосия Печерского, Житие Митрофана Воронежского и др. Рукопись датирована 1848 г. Палеографический и кодикологический анализ позволяет проследить историю книги, сделать вывод о русском происхождении текстов, ставших важной вехой в создании фундаментального труда Иакова — его «Афониады». В статье анализируется содержание рассматриваемого Жития, а в Приложении предлагается русский перевод памятника.

Ключевые слова: греческая рукопись, Афон, агиография, Феодосий Печерский, Иаков Неаскитиот

В последнее время получает все большее развитие и утверждается в качестве нового метода изучения древнерусских памятников литературы, истории, духовной жизни анализ текстов древнерусского происхождения, не дошедших в оригинале, но сохранившихся в иноязычных переводах и переложениях, например греческих — византийских и поствизантийских. Это относится прежде всего к памятникам агиографии, литургики, отчасти к актовому материалу — посланиям и соглашениям, кратким хроникам и др. [Письменные памятники, с. 248–251; Бибиков, 2017а, с. 51–129]. Особое место в этой связи принадлежит памятникам византийской и поствизантийской книжности, в частности связанным своим происхождением с обителями Святой горы Афона — центра притяжения и взаимных контактов авторов, переводчиков и редакторов-копиистов многоэтничного мира средневековой православной культуры.

Изучение истории афонской литературы, греческих рукописей, книжности в целом отмечено ныне введением в научный оборот и активным исследованием творчества афонского монаха — философа и богослова, историографа и литургиста, копииста и создателя рукописных книг Иакова Неаскитиота (1790-е — 1869) [Бибиков, 2016].

Афонский монах Иаков Неаскитиот, называемый также в рукописных автографах и литературе Иаковом Ватопедским, Иаковом Святогорцем, Иаковом Афонским и др., неизвестен большинству справочников и энциклопедий [Православная энциклопедия; Ὁρθόδοξη ἐγκύκλιος; Lexikon], единичны упоминания о нем и отсылки и в афоноведческой научной

литературе [Lampros, с. 117; Lambertz, № 46, 85, 91, 92, 96; 15, 98; Patarios Kausokalybites, 2012; Patarios Kausokalybites, 2014; Kontouma]. И, вместе с тем, нельзя сказать, что он совсем не был никому известен. Прежде всего, со времени работы Сп. Ламброса над каталогом греческих рукописей афонских собраний монах Иаков не мог не обратить на себя внимание как неутомимый копиист и редактор-составитель многочисленных рукописных книг, ставших значительным вкладом в библиотеки Ватопедского монастыря [Arkadios Vatopedinos, Eustratiades; Lambertz], Кавсокаливского скита [Kourilas, 1930а, р. 50–51, 141], Свято-Пантелеимонова монастыря и др. Его фрагменты историографического характера занимают достойное место в подборке афонских древностей, почерпнутых из различных святогорских кодексов и составивших сборник «Пάτρια» [Lampros], как бы продолжающий применительно к Афону традицию этого жанра византийских описаний¹. Иаков был известен и своими сочинениями в области гимнографии и литургики [Eustratiades]. Наконец, отмечалась и его определенная роль в работе с патриаршими грамотами в связи с календарными проблемами юлианской системы [Chrysostomos Papadopoulos]. Спорадические, но связанные одна с другой трудности идентификации Иакова дополнялись разными формами написания его имени — Иаков Святогорец, Афонский, Ватопедит, Неаскитиот и др., вводя в соблазн видеть в указанных авторах разные персоналии.

Но вот в работах буквально последних лет образ святогорского монаха вырастает в фигуру значительного масштаба — и в области агиографии, литургики и гимнографии, чему посвятил специальные исследования афонский монах Патапий Кавсокаливит [Patarios Kausokalybites, 2012; Patarios Kausokalybites, 2014]; и в области богословия, как теоретического, так и практического, представляющего своего рода «народный исихазм» [Kontouma]; и в области историографической литературы — как создателя фундаментального труда — «Афониады» [Thomson; Бибигов, 2016, с. 148–160]. Само заглавие монументального труда как бы провоцирует читателя на ассоциации с «Илиадой» или «Алексиадой» (вослед Анне Комнине). Особое значение этот *opus magnum* имеет в силу того, что отражает исторические представления самого афонского монашества, представляя как бы «взгляд изнутри». С другой стороны, Иакову были доступны многочисленные документы афонских архивов (он был архивариусом в ряде обителей), не всегда доступных мирянам или визитерам. В «Афониаде», наконец, сублимировались многие афонские устные легенды и версии объяснения тех или иных событий, которые лежат в основе уже собственно научной критической истории Афона, начиная с епископа Порфирия (Успенского) [Порфирий (Успенский)].

Обращение Иакова к истории Афона не было ни спонтанным, ни случайным. Родившийся в последнее десятилетие XVIII в. на острове Кифера, но проживший почти всю свою жизнь на Афоне, Иаков (мирского имени его мы не знаем) принял постриг в монастыре Эсфигмен, а затем подвизался в различных святогорских обителях — Св. Павла, в Новом Скиту, в ватопедском скиту Св. Димитрия, в самом Ватопеде и др. Судя по его собственным датировкам, сохранившимся в колофонах рукописей, его активная деятельность писца, редактора-составителя, автора-сочинителя многочисленных произведений началась примерно около 1824 г. и продолжалась почти до смерти (1869 г.), охватывая агиографию, гимнографию, метафрастику, богословие, литургику, полемическую литературу, дипломатику, хронологию, историописание.

Обращением к созданию собственных исторических трудов Иаков, несомненно, был обязан своему учителю и наставнику иеромонаху Феодориту Лавриоту из Иоаннины, бывшему проигумену Великой Лавры Св. Афанасия и игумену Эсфигмена. Афонская традиция считает Иакова его племянником (ἀνεψιός) или очень близким, еще по византийским нормам, человеком. В период пребывания в лавре Феодорит создает архивную опись обители, завершённую в 1803 г.²

¹ Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως // Preger Th. *Scriptores originum Constantinopolitanarum*. Lipsiae, 1907. Vol. 2.

² Kourilas E. Θεοδώρητος προηγούμενος Λαυριώτης ὁ Κωδικογράφος // *Byzantinische Zeitschrift*. 1951. Bd. 44. S. 343–346.

Изучение документов, а также исторических записок и различных афонских хроник позволило Феодориту создать около 1804 г., наверное, главный труд своей жизни — «Περὶ τῆς τοῦ Ὄρους Ἄθω» («Описание горы Афон»), содержащий рассказ о древностях святогорских обителей и передающий многие афонские легенды и сказания исторического и поучительного характера. Рукопись труда Феодорита хранилась неизданной в библиотеке Эсфигмена [Patrios Kausokalybites, 2014, с. 333] и была впоследствии использована епископом Порфирием (Успенским) в качестве источника для собственных сочинений по истории Афона [Kourilas, 1930b, с. 186]. Но уже в 20-х годах XX в. следов автографа Феодорита найти не удалось. В любом случае, в период пребывания монаха Иакова в Эсфигмене он мог пользоваться и выписками из труда Феодорита, и его подготовительными, прежде всего архивными, разработками, читая их, переписывая (в этот период Иаков известен как неутомимый копиист), а затем, при личном контакте, был вовлечен в историографическую деятельность. Феодориту принадлежит и «История монастыря Эсфигмен», оставшаяся неизданной.

Все это подводило ученика и последователя Феодорита — молодого тогда монаха Иакова — к составлению всеобъемлющего труда об истории Афона, его древностей, истории подвижников, их житиях, создании многочисленных афонских обителей, частью доживших до XIX в., частью исчезнувших и оставивших в документах и легендах только свое имя.

Документы монастырских архивов и «История Афона» Феодорита Лавриота стали главными источниками труда Иакова Неаскитиота. После кончины Феодорита (после 1826 г.) продолжателем его дела и стал Иаков. Сохранившиеся в монастырских библиотеках нескольких обителей четыре списка «Афониады» (плюс несколько фрагментов), идентифицированные как авторские автографы и датированные, позволяют проследить этапы создания монументального труда.

Анализ греческого текста Жития Антония Печерского, включенного Иаковым в «Афониаду», привел к выводу о специальном внимании афонского книжника к русской и, шире, к славянской проблематике [Бибиков, 2018]. Материалы по истории Русской, а также сербской, болгарской и других поместных церквей (молдо-валашской, «иллирийской») занимают все большее место в структуре «Афониады», если проследить эволюцию ее текстов от первоначального списка, датированного 1848 г., до последнего, законченного в 1865 г., за несколько лет до смерти [Бибиков, 2017б].

В Преамбуле второй по хронологии редакции «Афониады», датированной 1855 г., Иаков сообщает о времени и обстоятельствах нового его обращения к «Афониаде» (С. 61) — в переводе: «Книга с Богом святым называемая “Афониадой”, охватывающая [события] от устройства первого века божественного воплощения Христа вплоть до XVIII в., 1855 г. И описание ныне сохраняющихся двадцати святых обителей, а также тех, что опустели. И опись праведных святых древних и новых на этой горе преподобно просиявших [обителей]. [А также] правила и установления царские и патриаршие, которые были даны подвизающимся на Афоне. Ныне впервые монахом Иаковым Святогорцем собранные и сведенные (вместе), по прошению во святой обители русского архимандрита кир Иеронима, и вместе с ним ученейшего в славянском языке кир Азарии, — для пользы любознательных читателей и на вечную их память.

В год почитаемого божественного родословия Христа 1855, на святоименной горе Афона в Новом Скиту обители Святого Павла».

Таким образом, схимонах Свято-Пантелеимонова Русского монастыря Азария (Попцов) фактически представлен в качестве соавтора памятника, являясь источником славяно-русских сюжетов и текстов. Побудительным мотивом становится также прошение русского архимандрита Россикона о. Иеронима. Работа над книгой, как явствует, в основном протекала в Новом Скиту и успешно завершилась в 1855 г. Последняя, самая объемная, как сказано (845 страниц), редакция будет завершена Иаковым через двадцать лет в Русском монастыре, где хранится и по сей день.

Итак, создание данной, Свято-Пантелеимоновой версии «Афониады» непосредственно связано с Русским монастырем. Оно было выполнено по просьбе «русского архимандрита» о. Иеронима (Соломенцова) [Петр (Пиголь)] и схимонаха Азарии (Попцова), знатока славянских языков, прославившегося впоследствии переводами греческих актов Русского Свято-Пантелеимонова монастыря, опубликованных впервые в Киеве³, а также изданной затем историей Русского монастыря на Афоне [Азария (Попцов)]. Живописный портрет ученого схимонаха сегодня украшает гостиный зал Библиотеки Русского Свято-Пантелеимонова монастыря. Все эти обстоятельства и объясняют тот факт, что данная версия «Афониады» отложилась в собрании Россикона. Углубление и расширение русской тематики сочинения, как будет видно, нашло отражение в ткани произведения.

В непосредственной связи с указанными трудами Иакова находится еще один греческий кодекс, хранящийся на Афоне в рукописном собрании библиотеки Русского монастыря Св. Пантелеимона⁴, — Codex Athous Panteleemon. gr. 283: в книге содержатся неизвестные доселе греческие переводы древнерусских литургических и агиографических памятников и другие материалы по русской, сербской, болгарской истории Афона.

Сравнительно небольшой кодекс, 33 × 21 см, содержит 148 листов (начальный вне счета, а также л. 22 об.—24 об., 72 об.—75 об. и в конце л. 141/145 и 147 об.—148 об. — чистые). Как следует из колофона, переписан «рукой Иакова Святогорца пресвитера», то есть известным Иаковом Неаскитиотом, чей почерк хорошо узнаваем. В работе над рукописью принимал участие и другой копиист (Л. 73—81, 117—121). Сборник содержит греческие тексты «Последования св. Покрову», «Последования прп. Антонию Россу» (то есть Антонию Печерскому), его Житие, Службу и Житие Феодосия игумена «Пресчесвои, то есть Пещерной» и др.

На обороте начального (вне счета) листа расположен обзор оглавления книги. На л. 1 — трехцветный орнамент (зелено-желто-красный) и киноварная лемма Службы Покрову Богородицы: «1 октября месяца — воспоминание сверхъестественного чуда святого Покрова Богородицы» (Ἡ ἀνάμνησις τοῦ ὑπερφυοῦς θαύματος τῆς ἁγίας Σκέλης τῆς Θεοτόκου) (до л. 7). На л. 7 об.—14 об. расположено «Чудесное Повествование с Энкомием светоносному хрустальноблистающему пресвятому Покрову всепречистой Владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии, который видел св. Андрей Христа ради Юродивый» (Διήγησις θαυμάσιος μετ' ἐγκωμίου εἰς τὴν φεραυγῆ κρυσταλλοφεγγῆ παναγίαν Σκέλην τῆς Πανυπεράγνου Δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας, ἣν εἶδεν ὁ ἅγιος Ἀνδρέας ὁ διὰ Χριστὸν Σαλός). На л. 14 об. читаем текст Георгия Схолария (патриарха Геннадия) из определений собора против (Иоанна) Векка (Ἰποσημείωσις Γεωργίου Σχολαρίου (τοῦ καὶ Γενναδίου πατριάρχου) ἐκ τοῦ εἰς τὴν κατὰ Βέκκου σύνοδον), нач.: «[О том], что Латиняне в согласии с иудеями, и армянами, и яковитами, и несторианами, и монофелитами, и другими... в году 6798».

На л. 15 начинается текст Службы в честь Антония Печерского: «10 [числа] июля месяца Последование с пением блаженного отца нашего Антония Росса». А на л. 19 об. (до л. 22) следуют стихи песнопений «Того же месяца, 10 (числа) — Память блаженного отца нашего Антония, который возвел в Киеве российском пещерный монастырь, названный Персечуи (Περσέτζου), и ученика его преподобного Феодосия...». На л. 23—35 помещено Житие Антония Печерского: «Житие и божественные деяния преподобного отца нашего Антония Росса и святогорца». В завершение текста Иаков свидетельствует (в переводе): «Переведено и передано на языке со славянского русского “илирийского” наречия на нашу обыденную греческую речь — мной, грешным и несчастным монахом Иаковом Святогорцем, для пользы читающим братьям.

³ [Азария (Попцов), схим., Терновский Ф. А.] Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона. Киев, 1873.

⁴ Пользуюсь случаем выразить благодарность Институту Русского Афона под руководством В. И. Пирогова и Д. В. Зубова, благодаря которым стали возможными археографические экспедиции на Афон в 2015 и 2018 г.

Когда и храм во имя его (то есть Антония) был воздвигнут на горе, названной Самарийской, вне святой обители Эсфигмена. В год Спасителя 1848 в месяце июле. О каковом (Иакове) помолитесь, читающие» (Л. 35).

На л. 35 об.—40 об. помещено Житие Феодосия Печерского.

Раздел открывает черно-красный орнамент с надписанием киноварью: «Преподобного Феодосия». И далее — текст леммы: «Житие вкратце преподобного отца нашего Феодосия — ученика преподобного Антония, игумена Обители Пресчесвой, то есть Пещерной» (Βίος κατ' ἐπιτομήν τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Θεοδοσίου μαθητοῦ τοῦ ὁσίου Ἀντωνίου ἡγουμένου τῆς Μονῆς Πρετζέσκβου ἤτοι Σπηλαίου).

Л. 41—47 занимает Повествование об Успенском соборе (в Киево-Печерской лавре). Черно-красный орнамент предваряет развернутую лемму сочинения: «Повествование о возведении чудесного Храма Успения Богородицы. И необыкновенная история, каким образом он возник вначале. Как блаженный Симон, ставший затем епископом Владимира и Сусдаря (так! — М. Б.: Βλαδμηῆρου καὶ Σουσδάρου), написал. И как был взят от образа Распятого чудный серебряный венец и золотой пояс. И какого размера в соответствии с этим был воздвигнут тот священный Храм».

Новый раздел сборника открывается на л. 47 об. после многоцветного (зелено-желто-черно-красного) орнамента новым агиографическим текстом: «Месяца ноября, 23 (числа) — Последование св. Митрофана». На л. 48—[53] после трехцветного орнамента (черно-желто-красного) переписаны стихи службы в честь св. Митрофана Воронежского. Наконец, на л. [53]—69 об. помещено «Житие и деяния иже во святых отца нашего Митрофана, названного в ангельском образе Макарием, первого епископа Воронежа, чудотворца; переведено с русского наречия на наше» (Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Μητροφάνους τοῦ διὰ τοῦ ἀγγελικοῦ σχήματος μετονομασθέντος Μακαρίου, ἀ' ἐπισκόπου Βορωνεζίας τοῦ θαυματούργου. Μεταφρασθεὶς ἐκ τῆς ῥωσικῆς διαλέκτου εἰς τὴν ἡμετέραν).

Следующий раздел на л. 69 об.—72 посвящен (за черно-красным орнаментом) Энкомию апостолу Андрею Первозванному. На л. 73—81 об. помещена «Заметка о подвизавшихся на Св. Горе Афон при богоненавистниках-папистах преподобных богоносных отцах наших». В лемме же указано: «Переведено со славянского» — что важно для этого сборника. Далее Иаков Неаскитиот разместил на л. 82—82 об. «Краткое повествование о блаженнейшей памяти святых патриархах Иерусалимских Досифее и Хрисанфе (Нотаре)» — текст, также имеющий непосредственное отношение к истории русско-греческих церковных связей XVII в.

Важное значение для составителей сборника различных иноязычных, негреческих произведений иллюстрирует колофон при лемме следующей статьи. На л. 83 после зелено-черно-красного орнамента помещена «Беседа Полезная для делания умной молитвы, созданная на дакском (так! — М. Б.) наречии иеромонахом Василием, игуменом обители в Дакии (то есть в Валахии. — М. Б.), названной “Поиана Мерулиа”; монахом же Иаковом исправлено и украшено для лучшего усвоения читающими для всеобщей пользы душе». Так Иаков Неаскитиот характеризует собственный труд над молдо-валахским текстом. Раздел завершается на л. 113 об.

Таков состав афонского сборника Иакова Неаскитиота. Он создан в 1848 г. — в год работы Иакова над первой редакцией «Афониады», известной в рукописи Скита Св. Анны на Афоне (Cod. Athous Sket. Ann. gr. 156). Рассматриваемый текст Жития Феодосия Печерского значительно превосходит по объему и содержанию известные до сих пор синаксарные греческие тексты памятника.

С самого начала жизнеописание Феодосия в рассматриваемом памятнике привязано к судьбе Антония Печерского, чьим учеником он был и чей «светоч взошел над Россией», по словам агиографа, сразу после кончины Антония. Начало памятника носит вводный

ориентирующий читателя характер и при этом не повторяет ни один из известных текстов ни в древнерусской, ни в греческой традиции. Рождение святого в Василеве под Киевом, происхождение, рассказ о родителях преподобного, о переселении семьи в Курск — все это кратко описывается в соответствии с Киево-Печерской патериковой традицией⁵. К ней же восходит свидетельство о подвижничестве будущего святого, облекшего свое тело железными веригами, рассказ о непонимании его устремлений собственной матерью, чинившей препятствия аскетическому подвигу. Вместе с тем в греческом тексте отсутствует выигрышный, казалось бы, для агиографа сюжет о желании и попытке юного Феодосия отправиться вместе с проходившими мимо паломниками в Святую землю, в Иерусалим. Здесь кратко упомянуто, что мать вернула юношу, отправившегося было в Киев. С другой стороны, эмоционально описана встреча и знакомство Феодосия с Антонием Печерским, ставшим его наставником и учителем на всю жизнь. Он же посвятил его в монастырскую жизнь и благословил на иночество, препоручив священнику Никону постричь двадцатитрехлетнего молодого человека «в святую схиму».

Дальнейшую жизнь Феодосия в обители агиограф подчеркнуто привязывает к определенному историческому моменту — к «правлению (“игемонии”) Иерослава (то есть Ярослава) Киевского, сына Владимира — правителя России». Повествование о беспрестанной борьбе с бесами преподобного близко к аналогичному тексту Афонского Синаксаря иеромонаха Макария Симонопетрского⁶. Эпизод с матерью Феодосия, пришедшей к Антонию в поисках сына и умолявшей его вернуться домой, на что Феодосий в ответ посоветовал ей постричься в женский монастырь Св. Николая, что и случилось, — изложено в соответствии с древнерусским Житием Феодосия по Успенскому сборнику. Рассказ об уходе преподобного Никона соответствует в целом тому же тексту, но с уточнением, что Никон отбыл сначала в монастырь Св. Мины вместе с неким болгарским иноком. Здесь же следует сообщение о возведении Антонием Феодосия в священнический сан. В это же время Антоний поставляет игуменом Киево-Печерским Варлаама, а сам удаляется в другую пещеру — так вкратце повторяется киево-печерский сюжет. Повторяет Иаков Неаскитиот и рассказ о трудных условиях жизни печерских иноков — о голоде, стеснении, отсутствии средств и орудий для обработки земли, о нехватке хлеба и дров для огня.

Далее следует сообщение о переводе киевским князем Варлаама в монастырь Св. Димитрия в качестве игумена. Тогда печерская братия, насчитывавшая в ту пору двадцать человек, попросила Антония поставить своим игуменом Феодосия. Все это излагается в последовательности Киево-Печерского Жития и Афонского Синаксаря Макария. С ними же в соответствие приведен рассказ о расширении монастыря, о новом строительстве, в частности, Успенского собора, а также о заботах Феодосия по обретению Студийского и Святогорского монастырского устава. Правда, и в Киево-Печерской, и в Симонопетрской Макариевской версиях текста речь идет о получении только Студийского Типикона, тогда как введение афонской редакции св. Саввы обычно связывалось уже с деятельностью Киприана Киевского. В анализируемом же памятнике дело об обретении Студийского устава приписано некоему монаху-студиту в России (в Повести временных лет названо его имя — Михаил), пришедшему сюда вместе с митрополитом Георгием из Константинополя. Этот устав и распространился по обителям страны.

В греческом Житии подробно излагается эпизод с приказом Феодосия закрыть ворота монастыря после трапезы вплоть до вечерни, так что даже князь Изяслав не смог пройти к преподобному в неурочный час, нарушая его уединение. Весь этот пассаж изложен по-гречески

⁵ Житие Феодосия / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон // Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 71—135; Житие Феодосия Печерского / Публ. О. В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978. С. 304—391, 456—459; [Творогов].

⁶ Синаксарь. Жития святых Православной Церкви... иером. Макария Симонопетрского / Пер. под ред. А. Ю. Виноградова и О. А. Родионова. М., 2011. Т. V. С. 39—45.

в соответствии с текстом Жития в Успенском сборнике. Почти в таком же виде воспроизведен эпизод с возничим повозки, выданной князем для доставки Феодосия из Киева в монастырь. В целом сюжетно повторяет древнерусский текст и рассказ об утаенных келарем хлебах на праздник св. Димитрия и о чудесном разоблачении ослушания преподобного, как и эпизод с попыткой кражи разбойниками утвари, икон и проч. Менее детально и со смещением акцентов описан в греческом Житии случай с «боярином Изяслава», пообещавшим пожертвовать монастырю оклад на образ Богородицы, но забывшим об обете, после того как выжил в жестоком бою. В отличие от русского текста не упоминается ни имени «архонта» (Климент), ни имени князя (Изяслав); и раскаявшийся герой события приносит в дар монастырю святое Евангелие (в русском оригинале вклад был сделан по первоначальному обету). Рассказы о благословении умирающим Феодосием на дальнейшее игуменство Стефана и о приходе в обитель, после слуха о кончине преподобного и появлении чудесного свечения, князя Святослава, свергнувшего брата Изяслава, воспроизведены в греческом тексте, но, что характерно, без упоминания имени Святослава — персоны *non grata* агиографа. Обстоятельства упокоения Феодосия, его погребения, перенесения затем его мощей, начала игуменства Стефана излагаются скорее в соответствии с текстом Повести временных лет (6582 (1074) г.).

Заключительная часть греческого Жития не находит соответствия ни в одном из известных русских или греческих источников: в тексте, писанном, кстати, в сборнике другой рукой, сообщается о нахождении в той же обители останков 110 праведников, а также мастеров-строителей собора и художников, расписавших монастырский храм.

Таким образом, рассмотренный греческий текст краткого Жития Феодосия Печерского стал, скорее всего, материалом подготовительной работы Иакова Неаскитиота к создаваемой им в то же самое время первой редакции (Свято-Аннинской Скитской) «Афониады». В дальнейшем при самом непосредственном влиянии и участии русских афонитов — заказчика игумена Иеронима (Соломенцова) и переводчика схимонаха Азарии (Попцова) — объем русских сюжетов фундаментального труда значительно возрастет.

Приложение

Ниже публикуется перевод греческого текста Жития Феодосия Печерского из рукописи Codex Athous Panteleemon. gr. 283 (л. 35 об.—40 об.). Авторские формы написания по-гречески русских имен максимально сохраняются. При этом, разумеется, неоднократно приходится иметь дело с искажениями форм. Так, «Пресчесвои» передает русское Печерский, «Курт» — Курск, «Иерослав» — Ярослав, «Изеслав» — Изяслав и т. п. При воспроизведении библейских цитат учитываются некоторые возможные отступления от канонического текста при цитировании агиографом по памяти (весьма распространенное явление в средневековой, в частности византийской, книжности). Упоминаемая «обитель Таксиархов» представляет собой монастырь Архангелов (Михаила и Гавриила).

Житие вкратце преподобного отца нашего Феодосия, ученика преподобного Антония, игумена обители Пресчесвои, то есть Пещерной (Печерской)

Благослови, отче.

После праведной кончины преподобного отца нашего Антония явился второй светоч России — преподобный отец наш Феодосий, получивший от того (Антония) благодать, подобно тому, как Елисей [получил благодать] от Фесвитянина Или. И как луна принимает свет от солнца и освещает землю, так и блаженный Феодосий, освещенный блаженным Антонием, осветил всю

землю Россов. Родиной этого преподобного был [город] по прозванию Василик, лежащий близ Киева. Родители его благочестивейшие позже переселились в город Курт — по мановению Божию, для просвещения тамошних жителей. Когда же [Феодосий] подрос [и] телесно по возрасту и душевно, [стяжав] жизнь внутреннего человека по Христу, [и был он] в возрасте тринадцати лет, скончался его отец, отчего вся забота о доме пала на него, и он предался тягчайшему труду, а мать его управляла им. Он трудился с работниками, а мать препятствовала ему, дабы не осмеяли его люди. Он же тайно у кузнеца сделал железные [вериги] и носил их на теле. Однажды он решил переодеться, а мать его увидела кровь, которая стекала там, где было изранено его тело. И удручилась она и захотела снять с него [оковы], а поскольку он не захотел этого, она была его, не желавшего облегчения. Услышал же он евангельские слова: «Если кто любит отца или мать более Меня, то он Меня недостоин», и «возложите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем». И, услышав это, воспылав божественной любовью и размышляя, как бы уйти от мира и принять монашество.

Однажды, когда мать его отправилась в село, улучил он подходящий момент и ушел в одной одежде, которую носил, и отправился в Киев, не зная дороги. Однако по божественному промыслу он встретил купцов, шедших туда же, и, восславив Бога, последовал за ними. Прибыв туда, он обошел все тамошние монастыри и упрашивал монахов принять его. Они же, видя, что он нищ, не принимали его. И это было божественным промыслом, ибо он был предназначен божественному Антонию. Узнав о его [Антония] боговдохновенном образе жизни, он пришел к нему и горячо со слезами упрашивал его принять к себе. Антоний же говорил ему: «Видишь, чадо, здесь мы претерпеваем утеснение и несем великий подвиг, каковому ты не сможешь последовать». Но тот настаивал, и его приняли. И [Антоний] предсказал ему, что благодаря ему расширится монастырь, ибо знал, как провидец, каково будущее [того места] и что умножится [число] монахов. Феодосий же говорил: «Отче, меня божественный промысл привел сюда во спасение». Антоний же отвечал ему: «Дай Бог тебе, чадо, терпения, чтобы исполнил ты свои намерения» — и, положив поклон, благословил его. И сказал [Антоний] иерею Никону, и тот принял [Феодосия], как овцу, и облек в святой образ (схиму). А было ему двадцать три года.

В правление Иерослава князя, сына Владимира — правителя России, предал наконец Феодосий всего себя Богу и послушанию у своего старца. И ввергся в великие подвиги, ежедневно совершая бдение и молясь, постясь и трудясь на монастырских работах. И молил он Господа, говоря: «Виждь, Господи, смирение мое и труд мой, и остави все грехи мои». И [посредством всего] этого изнурял плоть свою. А Антоний и Никон, видя подвиги его, дивились его жизни и славили Бога. Мать же его, когда вернулась из села и не нашла его, рыдала безутешно и искала его повсюду, старалась узнать, стелая так, как если бы он умер. И спустя [некоторое] время разузнала, что он обитает в пещере преподобного Антония. И отправилась она, и пошла, чтобы найти его и вернуть его в дом свой. И притворилась она, будто желает получить благословение преподобного Антония, а когда старец вышел, начала его расспрашивать о своем сыне. Преподобный же, не поняв ее цели, сказал ей: «Здесь сын твой, и не печалься». И сказал ей, чтобы она тогда ушла, а пришла бы потом, чтобы увидеть его. Она, поклонившись преподобному, тогда удалилась. Антоний же сообщил Феодосию о его матери, и, услышав это, Феодосий вострепетал. И снова пришла мать его, желая видеть его. А преподобный Антоний убеждал его выйти [и встретиться с ней], но он никак не хотел. Она же разгневалась, и начала кричать на старца, и принуждала его привести [сына]. И старец побуждал его к послушанию, и по послушанию тот вышел. И как увидела мать его, иссохшего от поста и немощного, возрыдала и начала принуждать его уйти вместе с ней в дом свой, сказав, и [там] пусть живет, как хочет. Феодосий же говорил ей: «Останься и ты здесь, если хочешь видеть меня, и безмолвствуй в женском монастыре, чтобы спасти свою душу.

Если же не [сделаешь этого], то и впредь не увидишь меня». Вынужденно в конце концов мать его из любви к сыну своему осталась и сама в девичьем монастыре, который был там неподалеку, и стала монахиней. Феодосий же молился Богу за нее. И вот, пребывая в обители Святого Николая, она жила богоугодно. А Феодосий подвизался в пещере и стяжал благодать от Бога изгонять бесов. Отчего предавался он еще большему подвигу, и приходили, чтобы увидеть три ярких светильника в той пещере: имею в виду преподобного Антония, Никона и Феодосия; и они пребывали вместе с Богом, а Бог — с ними. И жили они в единении, по словам Евангелия: «Где будут двое или трое во имя Мое, там Я среди них».

Вскоре преподобный Никон ушел оттуда и поступил в другой монастырь — Святого Мины — вместе с одним монахом-болгаринном. Божественный же Антоний поставил преподобного Феодосия в священники, и тот совершал литургию каждый день с великим благоговением и смирением. Когда же преподобный Антоний поставил игуменом преподобного Варлаама, а сам Антоний ушел в другую пещеру один и предался [там] безмолвию, тогда Феодосий остался с Варлаамом, и они создали церковь вне пещеры, как об этом мы рассказали в Житии преподобного Антония. Пребывали они в большом утеснении, поскольку питались только ржаным хлебом и водой, и только в субботу и воскресенье варили немного чечевицы, и неустанно трудились. У них не было мельницы для помола, и ручной мельницей каждый тер свою часть отдельно. И начались споры, насколько один превосходил другого в трудах и подвигах. А Феодосий ночью тайно приносил дрова, наливал воды, брал у других братьев их меру [зерна] для помола и тер его сам. Изобиловало это место комарами, которые донимали [монахов]. Феодосий же позволял комарам кусать его, чтобы претерпевать страдания, приснопамятный. И все тело его было покрыто ранами, а сам за ночь прочитывал всю Псалтырь. А когда князь Киева создал именем его монастырь Святого Димитрия, он взял преподобного Варлаама и сделал его игуменом в этом [монастыре]. Братья тогда просили у Антония [дать им в игумены] Феодосия. И совершил над ним молитву Антоний, и он принял попечение о братьях, которых тогда было двадцать, и тогда он стал подвизаться еще больше, чем прежде, поскольку возложил на себя заботу об их душах. И он смирял себя больше всех, по словам [Писания]: «Кто хочет из вас быть первым, пусть будет самым последним слугой для других». Поэтому жили те блаженные монахи, словно ангелы земные и небесные человеки. Но поскольку место было стесненным, а братья умножались день ото дня, то получили разрешение у правителя того места и по благословению Антония создали просторный монастырь с храмом и кельями просторными. И окружили его стеной, и назвали его «Пестческо», каковое имя происходит от «пещеры», ибо «Пестческ» переводится как «пещера». Храм же [построили] в честь праздника Успения Богородицы. И послал Феодосий мужей благоговейных, чтобы они получили устав последования и чина знаменитой обители студитов и Святой Горы. Обретался тогда в России один монах-студит, который пришел туда вместе с митрополитом Георгием из Константинополя. От него и получили чин студитов, и этот чин был принят и сохраняется в этой обители, а также в других монастырях России. И принимал Феодосий без усталости всех приходивших — нищих, больных, слепых, всех равно, и учил их монашескому жительству, и жили они, словно ангелы на земле.

Один игумен — обители Чинопачальников [Небесных Сил] — ночью увидел небесный свет, который светил на обитель Феодосия. Об этом узнал правитель [того] места, и, преисполнившись великим благоговением, многие побежали в монастырь. Также и сам христоролюбивый правитель Изяслав, князь Киева, один приходил к [Феодосию] на исповедь и был наставляем преподобным, как и другие архонты и военачальники. Феодосий же, дабы не лишали его безмолвия, повелел вратарнику не открывать ворот никому после трапезы до времени вечерни. Однажды пришел архонт со слугой и стал стучать в ворота. Привратник отвечал, что у него приказ не открывать

до вечерни. Тогда правитель отправил вратарника к Феодосию, и тот распорядился открыть ворота. Правитель же возрадовался добродетели преподобного, и принял его наставления с великой благодарностью, и весьма его почтил. А преподобный Никон снова вернулся в обитель, и принял его Феодосий, как отца. А сам Никон позже, после успения Феодосия, завершил строительство монастыря. Однажды ушел Феодосий в Киев к правителю по какому-то делу, и пришел [туда] вечером, и хотел вернуться в обитель [свою]. Архонт же приказал некоему возничему взять преподобного в повозку и довезти его до обители. Возничий же, увидев, что преподобный одет нищенски, решил, что это убогий человек, и, когда они проехали немного по дороге, сказал преподобному: «Ты, отче, сегодня был празден, я же целый день ходил. Походи же теперь и ты, я же отдохну в повозке». Выслушав, Феодосий сошел и пошел пешком, ведя [повозку], а возничий спал в повозке в покое всю ту ночь, пока преподобный шел. Когда же рассвело, увидели проходящие, что идет Феодосий, и, падая [нищ], кланялись ему. По сему возничий понял, сколь почитаем был преподобный. Испугался он, как бы правитель не проучил его за пренебрежение, с каким тот отнесся к преподобному, и, сойдя [с повозки], просил прощения, а преподобный, простив его, приказал [ему] идти в трапезную поесть и таким образом отпустил его [обратно] в город.

У преподобного был [такой] порядок: кто бы ни пришел в монастырь, угощать того, был ли он богатый или нищий. Однажды пришел и архонт — князь, правитель, — и угощал [святой] и его в трапезной, как и всех, и просил [князя] простить его, поскольку не было [в монастыре] хорошей еды, чтобы его угостить. Архонт же благодарил преподобного, говоря, что никогда не ел ничего более вкусного, чем та бедная еда, поскольку она благословлена Богом, и попросил хлебец. Преподобный же сказал ему, что отцы, когда готовят [пищу], с благословением и с непрестанной молитвой совершают свое служение, и их труды получают благословение от Бога, и потому вкусна та еда. А миряне без благословения и молитвы трудятся, и потому не получают благодати и сладости труды их. Когда праздновал вышеназванный правитель день святого Димитрия, оставались куски хлеба и еда, и преподобный сказал, чтобы поставили ее вечером для пришедших на праздник. Келарь же оставил ее на другой день. И, как увидел это преподобный, опечалился из-за ослушания и повелел выбросить всё в реку, поскольку имел заповедь: ничего не делать без благословения. У одного брата были деньги, и помыслы не оставляли его в покое. Посему преподобный повелел ему, чтобы он или взял их и ушел, или, если хочет оставаться в монастыре, пусть выбросит [деньги] в реку. Так тот и сделал и [с тех пор] был покоен. Построил [Феодосий] и странноприимницу вне обители — для отдыха приходящих, богатых и бедных. А один вор пришел ночью втайне в село монастырское, чтобы украсть зерно, которое было на гумне. Братья же схватили его, связали и привели к преподобному. Преподобный же приказал его освободить, и дал ему милостыню, и, наставив его, отпустил. С тех пор никакой другой вор не приближался к монастырским поместьям.

Спустя [какое-то] время братия умножилась, и [тогда] разобрали стену, чтобы расширить монастырь. И поскольку ночью он был открыт, пришли разбойники, чтобы украсть, что им ни попадет. И, войдя, увидели свет в храме, и ощутили благоухание, и слышали поющих в храме. Испугавшись этого, они не смогли улучшить момент для кражи. А это было божественное видение, поскольку все братья тогда спали. Когда настало время службы, и подал знак епископ, и братья собрались в храме, тогда разбойники решили окружить храм, чтобы захватить всех братьев и разграбить весь монастырь. Но чудо следовало за чудом, ибо, когда приблизились [разбойники] к храму, они увидели, что храм вознесся в высоту, был высоко вверху, и никак они не могли войти. Устрашившись этого, они ушли, не совершив [задуманного] дела. Подобное чудо случилось и в другой раз, и, раскаявшись, разбойники ушли. В другой раз опять пришли в село,

чтобы украсть зерно, и, подойдя с намерением пройти через изгородь, увидели высокую стену, окружавшую село, ибо божественная благодать охраняла его от козней злодеев.

Некий воин собрался отправиться на войну и молился, чтобы остаться невредимым, и [обещал] принести в церковь серебряные венцы для [оклада] святых образов. Так и случилось. В другой раз пришел архонт, имея при себе украшенное Евангелие, чтобы принести его в дар храму. И прежде всего он сел побеседовать с Феодосием. Преподобный же, будучи прозорливцем, сказал архонту: «Достань прежде всего Святое Евангелие, что имеешь при себе, дабы не пренебречь им, когда мы будем сидеть, а потом поговорим». Так и сделали.

Был обычай у преподобного Феодосия во время Великого поста уходить в пещеру с понедельника сырной (седмицы) и пребывать [там] в безмолвном одиночестве до субботы воскресения праведного Лазаря, и тогда он выходил ради праздника Пасхи. В этой же пещере [Феодосий], когда упокоился, был и погребен. Когда наконец подошел срок его преподобного успения, он смог об этом узнать заранее по божественному откровению и, собрав братьев, поучал их, как жить после его успения. Архонт же, о котором мы сказали выше, и сам узнав о его кончине, опечалился и пришел. Преподобный был охвачен жаром и не мог говорить три дня, а на третий день опять наставлял братьев. Он спросил их, кого они хотят себе игуменом, и они попросили Стефана. Поэтому, помолившись за него и благословив, [Феодосий] повелел соблюдать устав киновии неколебимо.

Предсказал [Феодосий] и день своей кончины: что он должен упокоиться в субботу с восходом солнца, как и случилось, ибо в субботу рано утром он предал [свой] дух [Господу]. Братья же начали рыдать, оплакивая свое сиротство. А правитель, как узнал об успении его, двинулся в путь, чтобы посетить обитель, и по дороге увидел огненный столп над монастырем, который светил, являя восхождение на небеса святой души преподобного. Как только он прибыл в монастырь, собралась толпа народа, чтобы приложиться к святым останкам [Феодосия]. А преподобный заповедал братьям, чтобы они одни тихо погребли его в пещере, без шума людского. Отчего и случилось такое чудо: там, где было совершенное безветрие, появилась туча и начался проливной дождь, такой, что толпа народа была вынуждена вернуться в свои жилища. И так монахи, открыв ворота обители, внесли останки преподобного в пещеру. А князь, правитель, который тоже ушел, опять по дороге увидел столп огня в то время, когда братья копали могилу преподобного. Таким образом в тишине были погребены святыя останки [Феодосия] в пещере. Случилось в то время в монастыре большое многоплодие, а везде в окрестностях — изобилие.

Через восемнадцать лет игумен Иоанн решил вместе с братьями обители совершить обретение [мощей], и они приготовили место, куда их перенести. И за три дня до праздника Успения Богородицы пошли в пещеру, и начал копать могилу один монах, по имени Нестор, вместе с игуменом — одни. Но поскольку останки [преподобного] были глубоко и они не находили их, то игумен решил на другой день взять и других братьев в помощь — втайне от прочих. И так Нестор с двумя другими братьями, придя ночью и сотворив молитву, начали копать, [и копали] вплоть до полуночи, и, не находя мощей, печалились. И снова начал Нестор копать, другой же брат вышел из пещеры, и услышал [звук] била, [зввавший на службу], и, придя, сказал Нестору: «Зовут к службе». Нестор же сам уже нашел гроб, внутри которого были святыя мощи, и ответил воодушевленно. И [так] Нестор обрел гроб со святыми останками, и сообщил игумену, и пришел. И тогда открыли гроб и увидели останки, которые были целы [и] невредимы, словно [святой] спал: только волосы на голове и борода были как бы отделены, и глаза были закрыты. И так извлекли святыя мощи и положили их вне гробницы в пещере. А двое братьев оказались за пределами монастыря, и в час, когда [мощи] извлекали из гробницы, видели три столпа огня, [спускавшихся] с неба, которые следовали за святыми мощами. Подобное видели

и другие монахи и некоторые миряне из города. Стефан же, которого преподобный Феодосий оставил игуменом обители, когда скончался, как мы уже сказали, находился тогда [в качестве] митрополита во Владимире. И он тогда увидел столп огня и понял, что совершают перенесение мощей. Стало ему досадно, что не известили его, и потому он поскакал на коне, поспешив прибыть в монастырь. И пока он ехал, видел столп огня на протяжении всего пути. А когда приблизился, свет больше не являлся. И так весь тот день оставались священные мощи наверху пещеры. На другой же день собрались другие архиереи из других городов, и игумены монастырей, и множество архонтов и народа, и, взяв святые мощи, совершенно открыто несли их в соборный храм, с гимнами и славословиями, и положили их в приготовленном месте в правой части храма. Было же это 14 августа, в первом часу дня. Там же находятся и семь святых мощей, каковые Богородица дала Феодосию и Антонию, когда они оказались во Влахернском храме, и Она повелела, чтобы поместили их в алтаре при освящении того храма, в основании святого престола. Там находятся и останки зодчих, которые построили храм, придя из Константинополя; и когда храм был завершен, они там упокоились. И пребывают останки невредимыми, словно спят, лежа на руках. Один из тех [строителей], когда еще был жив, отправился [куда-то] по службе и, вернувшись, застал прочих скончавшимися. И, подвинув останки, дали и ему место, и упокоился и он. И так они пребывают до сего дня. Подобным же образом и [останки] других преподобных отцов, которые там после смерти преподобного Антония и Феодосия почил праведно. Их же молитвами да сподобимся и мы небесного царствия, благодатью Господа нашего Иисуса Христа, Коему слава и держава с Отцом и со Святым Духом, ныне, и присно, и во веки веков, аминь.

Хранятся же мощи невредимыми и нетронутыми в той обители [числом] сто десять, из которых одни — тех мастеров, что воздвигли храм, другие — художников, прочие же — преподобных монахов, которые в этом монастыре праведно жили во славу Бога и пречистой Его Матери.

Литература

- Азария (Попцов), схим. Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеимона на Святой Горе Афонской. М., 1886. 280, III с.
- Бибигов М. В. Афонская историографическая традиция о начале русского монашества: «Афониада» (1848–1865) Иакова Неаскитиота // Афон в истории и культуре Христианского Востока и России. Каптеревские чтения. М., 2016. Вып. 14. С. 146–168.
- Бибигов М. В. Byzantinorossica: Свод византийских актовых свидетельств о Руси. М., 2017. Т. 3. 301 с. [Бибигов, 2017а]
- Бибигов М. В. Новый памятник афонской историографии: «Афониада» (1848–1865) Иакова Неаскитиота // Новая и новейшая история. 2017. № 4. С. 117–128. [Бибигов, 2017б]
- Бибигов М. В. Житие Антония Печерского в греческой традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С. 5–11.
- Петр (Пиголь). Иероним (Соломенцов) // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 21. С. 319–323.
- Письменные памятники истории Древней Руси / Под ред. Я. Н. Цапова. СПб., 2003. 383 с.
- Порфирий (Успенский), еп. История Афона: в 2 т. М., 2007. Т. 1. 1087 с. Т. 2. 655 с. Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 20. 750 с.
- Творогов О. В. Нестор // СККДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 274–278.
- Arkadios Vatopedinos, Eustratiades S. Catalogue of the Greek Manuscripts of the Monastery on Mt. Athos. Cambridge (Mass.), 1924. 12+IV+276+4 p.
- Chrysostomos Papadopoulos. Ἐλεγχος συνοδικῶν πράξεων καὶ πατριαρχικῶν ἐγγράφων // Γρηγόριος ὁ Παλαμᾶς. 1932. Т. 16. Σ. 65–69, 96–101, 138–149.
- Eustratiades S. Ἀγιολογικά. Βιβλιογραφία τῶν Ἀκολουθιῶν // Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας τῶν Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1932. Т. 9. Σ. 80–122.

- Kontouma V. Un hésychaste au XIXe siècle: Jacques de Néa Skètè et sa “Confession orthodoxe” (1834) // *Annuaire de l'École pratique des hautes études (ÉPHÉ)*, Sect. des sciences relig. 2015. Vol. 122 (2013–2014). P. 288–298.
- Kourilas E. Κατάλογος τῶν κωδίκων τῆς Ἱ. Σκήτης Κausοκαλυβίων καὶ τῶν καλυβῶν αὐτῆς. Paris, 1930. 141 σ. [Kourilas, 1930a]
- Kourilas E. Τὰ ἀγιορειτικὰ ἀρχεῖα καὶ ὁ κατάλογος τοῦ Πορφυρίου Οὐσπένσκη // Ἐπετηρὶς Ἐταιρείας τῶν Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1930. Τ. 7. Σ. 180–222. [Kourilas, 1930b]
- Lambertz E. Katalog der griechischen Handschriften des Athoskloster Vatopedi. Thessalonike, 2006. Bd. I. 508 s.
- Lampros Sp. «Τὰ Πάτρια τοῦ Ἁγίου Ὁρους» // Νέος Ἑλληνομνήμων. 1912. Τ. 9. Σ. 116–244. Lexikon für Theologie und Kirche. 3 / Aufl., hrsg. von W. Kasper. Freiburg im Breisgau, 1996. Bd. 5. 777 s.
- Patapios Kausokalybites. Ὁ μοναχὸς Ἰάκωβος Νεασκητιώτης καὶ τὸ ὑμναγολογικὸ τοῦ ἔργου γιὰ τὴ Θεοτόκο καὶ τοὺς ἀγιωρεῖτες ὁσιομάρτυρες. Θεσσαλονίκη, 2012. 280 σ.
- Patapios Kausokalybites (*Chaïdemenopoulos I. N.*). Ἀπὸ τὰ «Πάτρια» στὴν «Ἀθωνιάδα» τοῦ μοναχοῦ Ἰακώβου Νεασκητιώτου (19ος αἰ.) // Ἡ Διεθνὲς ἐπιστημονικὸ Συνέδριο «ΑΓΙΟΝ ΟΡΟΣ ΚΑΙ ΛΟΓΙΟΣΥΝΗ». Πρακτικὰ Συνεδρίου. Θεσσαλονίκη, 2014. Σ. 331–341.
- Thomson F. Saint Antony of Kiev – the Facts and the Fiction // *Byzantinoslavica*. 1995. Τ. 65. P. 662–668.
- Ὁρησκευτικὴ καὶ ἠθικὴ ἐγκυκλοπαίδεια. Ἀθήναι, 1965. Τ. 6. 1211 σ.

References

- Arkadios, Vatopedinos, Eustratiades, S. Catalogue of the Greek Manuscripts of the Monastery on Mt. Athos. Cambridge (Mass.), 1924. 12, IV, 276, 4 pp.
- Azariya, (Poptsov), skhimnik. Russkii monastyr' sv. velikomuchenika i tselitelya Panteleimona na Svyatoi Gore Afonskoi [Russian Monastery of Saint Panteleimon, Great Martyr and Healer, on the Holy Mount Athos]. Moscow, 1886. 280, III pp.
- Bibikov, M. V. Afonskaya istoriograficheskaya traditsiya o nachale russkogo monashestva: “Afonjada” (1848–1865) Iakova Neaskitiota [Athos Historiographic Tradition about the Beginning of Russian Monasticism: “Athonias” (1848–1865) by Iacobus Neasketiotes]. In *Afon v istorii i kul'ture Khristianskogo Vostoka i Rossii. Kapterevskie chteniya*. Moscow, 2016. Issue 14. Pp. 146–168.
- Bibikov, M. V. Byzantinorossica: Svod vizantiiskikh aktovykh svidetel'stv o Rusi [Byzantinorossica: Code of Byzantine Act's Data about Rus']. Moscow, 2017. Vol. 3. 301 pp. [Bibikov, 2017a]
- Bibikov, M. V. Novyi pamyatnik afonskoi istoriografii: “Afonjada” (1848–1865) Iakova Neaskitiota [A New Monument for Historiography of Athos: “Athonias” (1848–1865) by Iacobus Neasketiotes]. In *Novaya i noveishaya istoriya*. 2017. No. 4. Pp. 117–128. [Bibikov, 2017b]
- Bibikov, M. V. Zhitie Antoniia Pecherskogo v grecheskoi traditsii [The Life of Anthony Pechersky in the Greek Tradition]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2018. No. 3 (73). Pp. 5–11.
- Chrysostomos, Papadopoulos. Ἐλεγχος συνοδικῶν πράξεων καὶ πατριαρχικῶν ἐγγράφων. In *Γρηγόριος ὁ Παλαμᾶς*. 1932. Τ. 16. Σ. 65–69, 96–101, 138–149.
- Eustratiades, S. Ἀγιολογικά. Βιβλιογραφία τῶν Ἀκολουθιῶν. In *Ἐπετηρὶς Ἐταιρείας τῶν Βυζαντινῶν Σπουδῶν*. 1932. Τ. 9. Σ. 80–122.
- Kontouma, V. Un hésychaste au XIXe siècle: Jacques de Néa Skètè et sa “Confession orthodoxe” (1834). In *Annuaire de l'École pratique des hautes études (ÉPHÉ)*, Sect. des sciences relig. 2015. Vol. 122 (2013–2014). Pp. 288–298.
- Kourilas, E. Κατάλογος τῶν κωδίκων τῆς Ἱ. Σκήτης Κausοκαλυβίων καὶ τῶν καλυβῶν αὐτῆς. Paris, 1930. 141 σ. [Kourilas, 1930a]
- Kourilas, E. Τὰ ἀγιορειτικὰ ἀρχεῖα καὶ ὁ κατάλογος τοῦ Πορφυρίου Οὐσκένσκη. In *Ἐπετηρὶς Ἐταιρείας τῶν Βυζαντινῶν Σπουδῶν*. 1930. Τ. 7. Σ. 180–222. [Kourilas, 1930b]
- Lambertz, E. Katalog der griechischen Handschriften des Athoskloster Vatopedi. Thessalonike, 2006. Bd. I. 508 s.
- Lampros, Sp. «Τὰ Πάτρια τοῦ Ἁγίου Ὁρους». In *Νέος Ἑλληνομνήμων*. 1912. Τ. 9. Σ. 116–244. Lexikon für Theologie und Kirche. 3. Aufl., hrsg. von W. Kasper. Freiburg im Breisgau, 1996. Bd. 5. 777 s.
- Patapios, Kausokalybites. Ὁ μοναχὸς Ἰάκωβος Νεασκητιώτης καὶ τὸ ὑμναγολογικὸ τοῦ ἔργου γιὰ τὴ Θεοτόκο καὶ τοὺς ἀγιωρεῖτες ὁσιομάρτυρες. Θεσσαλονίκη, 2012. 280 σ.

Patapios, Kausokalybites (Chaidemenopoulos I. N.). Ἀπό τὰ «Πάτρια» στήν «Ἀθωνιάδα» τοῦ μοναχοῦ Ἰακώβου Νεασκητιώτου (19ος αἰ.). In *Η' Διεθνές επιστημονικό Συνέδριο «ΑΓΙΟΝ ΟΡΟΣ ΚΑΙ ΛΟΓΙΟΣΥΝΗ»*. Πρακτικά Συνεδρίου. Θεσσαλονίκη, 2014. Σ. 331–341.

Petr (Pigol'). Ieronim (Solomentsov) [Hieronymus (Solomentsov)]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2009. Vol. 21. Pp. 319–323.

Pis'mennye pamyatniki istorii Drevnei Rusi [Written Monuments of the Old Rus' History]. Edited by Ya. N. Shchapov. Saint Petersburg, 2003. 383 pp.

Porfiri (Uspenskii), bishop. Istoriya Afona: v 2 t. [History of Athos: in 2 volumes]. Moscow, 2007. Vol. 1. 1087 pp. Vol. 2. 655 pp.

Pravoslavnaya entsiklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2009. Vol. 20. 750 pp.

Thomson, F. Saint Antony of Kiev – the Facts and the Fiction. In *Byzantinoslavica*. 1995. T. 65. Pp. 662–668.

Tvorogov, O. V. Nestor [Nestor]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, 1987. Vol. 1. Pp. 274–278.

Θρησκευτική καὶ ἠθικὴ ἐγκυκλοπαιδεία. Ἀθήνα, 1965. Τ. 6. 1211 σ.

Mikhail V. Bibikov

Institute of World History of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

THE GREEK LIFE OF THEODOSIUS PECHERSKY
IN THE ATHONITE MANUSCRIPT COLLECTION

The recently found manuscript, Cod. Athous. Panteleemon. gr. 283, includes originally Russian hagiographical and liturgical texts, found, translated and copied by famous Athonite author Jacobus Neasketiotes, such as the Akolouthia (Service) for Anthony Pechersky, his Life, the Church Service for Theodosius Pechersky, and his Life, the Life of Methrophanes of Voronezh. It also contains the materials for the history of Rus', Serbia, Bulgaria, Athos. The book is dated from July 1848. Paleographic and codicological analyses lead to the conclusion of the Russian origin of the texts, which were of much importance for the creation of the fundamental corpus of the "Athonias" by Jacobus Neasketiotes.

Keywords: Greek manuscript, Athos, hagiography, Theodosius Pechersky, Jacobus Neasketiotes